

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН

SOME OF THE PARALLELS IN THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA AND THE BALTIC SLAVS

D. Loginov

Annotation

The work is devoted to one of the aspects of the so-called Norman problem – the question of the origin of the Varangians. The dominant hypothesis in modern historical science is the one of the Scandinavian origin of the Varangians. However, it faces difficulties both of a philological and historical nature. The second hypothesis is the relationship of the Varangians with the Baltic Slavs, in particular, with the tribe of Wagrass. In the early Russian history there are obvious parallels with the history of the Baltic Slavs. These include, on the one hand, the anti-Christian uprisings in the Baltic States in 983 and 1066, and on the other – information about the human sacrifice in Kiev in 983 and pagan movements in Kiev, Novgorod and Beloozero in the late 1060 – early 1070s. They can be observed as an additional argument in favor of the West Slavic origin of the Varangians.

Keywords: Norman problem, Ancient Rus, the Varangians, the Scandinavians, the Baltic Slavs, Slavic paganism, pagan uprisings.

Логинов Дмитрий Сергеевич
К.и.н., доцент,
Рязанский государственный
медицинский университет
им. И.П. Павлова

Аннотация

Работа посвящена одному из аспектов так называемой норманнской проблемы – вопросу о происхождении варягов. Господствующей в современной исторической науке остается гипотеза об их скандинавских корнях. Однако она сталкивается со сложностями как филологического, так и исторического характера. Второй гипотезой является связь варягов с прибалтийскими славянами, в частности, с племенем вагров. В ранней русской истории обнаруживаются явные параллели с историей прибалтийских славян. К числу таковых относятся, с одной стороны, антихристианские восстания в Прибалтике 983 и 1066 гг., а с другой – сведения о человеческом жертвоприношении в Киеве в 983 г. и языческих движениях в Киеве, Новгороде и Белоозере в конце 1060-х – начале 1070-х годов. Они могут являться дополнительным доводом в пользу гипотезы о западнославянском происхождении варягов.

Ключевые слова:

Норманнская проблема, Древняя Русь, варяги, скандинавы, балтийские славяне, славянское язычество, языческие восстания.

Начальные этапы истории Древней Руси настолько изобилуют белыми пятнами, что, пожалуй, число дискуссионных вопросов по сей день серьёзно превышает количество тем, по которым исследователям удалось достичь консенсуса. Это касается самых разных аспектов прошлого: социально-политического, экономического, культурного, этнического. Пожалуй, особняком как по степени остроты, так и по объёму историографии стоит вопрос о происхождении Руси, в частности, об истоках её правящей династии. Зачастую он носит в историографии название "норманнская проблема". Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на историографии этой проблемы в силу её необъятности (во всяком случае, в рамках отдельно взятой статьи), отдельно отметим такой её аспект, как происхождение летописных "варягов".

Надо сказать, что гипотеза о скандинавском происхождении варягов является преобладающей в современной отечественной исторической науке (в науке зарубежной она и вовсе за редчайшими исключениями не берёт под сомнение) [5; 7; 11; 12; 13]. Между тем эта гипотеза наталкивается на ряд сложностей филологического и чисто исторического характера. К числу первых относится невозможность, несмотря на все имеющиеся попытки, убедительной этимологизации слова из скандинавских языков. К числу вторых – относительно позднее появление термина в зарубежных источниках (с XI века) и отсутствие прямых отождествлений со скандинавами. Особенно удручающими являются случаи противопоставления варягов и норманнов (в том числе, и в сагах!). Примером подобного противопоставления является упоминание в "Саге о людях из Лаксдаля", на которое в своё время обратил внимание ещё В.Г. Василевский. В ней, в частности, рассказывается об исландце Болли Боллиссоне, отправившемся в первой трети XI в. (примерно в 1027 г.) на службу к византийскому императору. В "Саге" говорится: "Пробыв там недолго, он поступил в отряд варягов; мы не слышали рассказов о том, чтобы кто-нибудь из норманнов поступил на службу к конунгу Гарда до Болли, сына Болли" [1, с. 185–186]. В другом переводе (не меняющем, впрочем, смысл принципиально): "Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец

теза наталкивается на ряд сложностей филологического и чисто исторического характера. К числу первых относится невозможность, несмотря на все имеющиеся попытки, убедительной этимологизации слова из скандинавских языков. К числу вторых – относительно позднее появление термина в зарубежных источниках (с XI века) и отсутствие прямых отождествлений со скандинавами. Особенно удручающими являются случаи противопоставления варягов и норманнов (в том числе, и в сагах!). Примером подобного противопоставления является упоминание в "Саге о людях из Лаксдаля", на которое в своё время обратил внимание ещё В.Г. Василевский. В ней, в частности, рассказывается об исландце Болли Боллиссоне, отправившемся в первой трети XI в. (примерно в 1027 г.) на службу к византийскому императору. В "Саге" говорится: "Пробыв там недолго, он поступил в отряд варягов; мы не слышали рассказов о том, чтобы кто-нибудь из норманнов поступил на службу к конунгу Гарда до Болли, сына Болли" [1, с. 185–186]. В другом переводе (не меняющем, впрочем, смысл принципиально): "Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец

или исландец до Болли, сына Болли, стал дружинником короля Миклагарда" [14].

Конкурирующей, хотя и менее признанной в настоящее время, является гипотеза об изначальном происхождении варягов с южного побережья Балтийского моря из земель балтийских славян. В качестве источника названия "варяги" рассматривается этноним "вагры" (одно из ободритских племён второй половины I – первых веков II тыс.). Истоки этой гипотезы берут начало, по меньшей мере, с середины XVI века, с работ С. Мюнстера и С. Герберштейна. В частности, у последнего читаем: "Однако ни про хазар: кто они и откуда, ни про варягов никто не мог сообщить мне ничего определенного, помимо их имени. Впрочем, поскольку сами они называют Варяжским морем море Балтийское, а кроме него и то, которое отделяет от Швеции Пруссию, Ливонию и часть их собственных владений, то я думал было, что вследствие близости (к этому морю) князьями у них были шведы, датчане или пруссы. Однако с Любеком и Голштинским герцогством граничила когда-то область вандалов со знаменитым городом Вагрия, так что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии; так как и до сегодняшнего дня это море, равно как и залив между Германией и Данией, а также между Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Ливонией и приморскими владениями Московии – с другой, сохранили в русском языке название "Варяжское море", т. е. "море варягов", так как, более того, вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком" [3].

Собственно, в российский научный оборот гипотеза о связи варягов и балтийских славян была введена М.В. Ломоносовым [9]. Наиболее серьёзной попыткой её обоснования в отечественной дореволюционной историографии стал труд С.А. Геденова [2]. В советской и современной исторической науке к числу наиболее известных сторонников гипотезы относятся А.Г. Кузьмин (настаивавший, впрочем, на изначальном неславянском субстрате самих вагров) и В.В. Фомин [8; 16].

При этом исследований, специально посвящённых истории балтийских славян на рубеже I и II тысячелетий, на русском языке издавалось очень немного. В дореволюционной историографии следует, прежде всего, называть работы А.Ф. Гильфердинга, в первую очередь "Историю балтийских славян" [6]. В советский период в сборнике "Славяне и скандинавы" была опубликована статья известного немецкого исследователя Й. Херрманна "Ободриты, лютиты, руяне" [17]. Уже в последнее время появилась монография немецкого историка-любите-

ля А. Пауля "Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда" [10]. Она имеет особую ценность, поскольку даёт представление широкой читающей аудитории о состоянии изучения истории балтийских славян в современной западной, прежде всего, германской, науке. В целом же следует признать, что прошлое балтийских или, иначе, полабских славян, до сих пор находилось на периферии внимания отечественной исторической науки. Это, по-видимому, связано, с одной стороны, с объективной отрывочностью и противоречивостью доступных сведений о средневековых полабских славянах, а с другой – с определённым смещением фокуса внимания большинства исследователей на соседние с ними территории, прежде всего, Франкское государство (позднее, Священную Римскую империю), Данию и Скандинавию. Между тем, более пристальное рассмотрение истории ободритов и лютитов, возможно, смогло бы пролить свет на некоторые аспекты, как проблемы происхождения Руси, так и ранних этапов развития Древнерусского государства в целом.

В связи с этим обратимся к двум эпизодам истории балтийских славян, обнаруживающим, на наш взгляд, интересные параллели в прошлом Древней Руси. В первую очередь речь идёт об одном из сообщений русских летописей под 983 (6491) годом. В "Повести временных лет" оно выглядит следующим образом: "В лето 6491. Иде Володимирь на Ятвягы и победи Ятвягы, и взя землю ихъ. И идее Киеву, и творяше требу кумиромъ с людьми своими; и реша старци и боляре: "мечемъ жребий на отрока и девицу; на него же падеть, того зарежемъ богомъ". Бяше Варягъ единый, и бе дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдела Володимирь; бе же Варягъ той пришесть изъ Грекъ, держаше веру хрестяньску, и бе у него сынъ красень лицомъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшетъ бо дьяволъ, власть имы надо всеми, и се бяшетъ ему аки тернь въ сердци, тычашеся потребити оканьный, и науститъ люди. Реша пришедшее послание к нему: "яко паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и бози собе; да створимъ требу богомъ". И рече Варягъ: "не суть то бози, но древо; днесъ есть, а утро изыгнетъ; не ядять бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть делани руками в дереве; а Богъ есть единый, емуже служатъ Грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звезды, и луну, и солнце и человека, даль есть житии на земли; а си бози что сделае Сами делани суть; не дамъ сына своего бесомъ". Они же шедшее поведаша людемъ; они же, вземше оружье, поидоша на нь и розьяша дворъ около его, онъ же стояше на сенехъ съ сыномъ своимъ. Реша ему: "вдай сына своего, да вдаетъ богомъ". Он же рече: "аще суть бози, то единого собе послать бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете" И кликнуша, и посекоша сени под нима, и тако побилъ я; и не свести никтоже, где положиша я. Бяху бо тогда человеци невеголоси и погани" [15, с. 80–81].

Итак, по возвращении из похода на ятвягов князь Владимир по совету "старцев и бояр" решает принести человеческую жертву языческим богам. Жертва выбирается по жребию среди юношей и девушек. Жребий падает на сына варяга-христианина. Отец отказывается выдать сына. В ходе завязавшегося конфликта и отец, и сын погибают. Отметим два принципиальных момента.

Во-первых, летописи однозначно говорят о принципиальной роли варягов в пришествии Владимира к власти в Киеве. Во-вторых, Владимир – единственный князь, с которым отечественные письменные источники конкретно связывают человеческие жертвоприношения. Это летописное сообщение приобретает новые очертания в том случае, если мы сопоставим его с параллельными событиями в землях ободритов.

История полабских славян была теснейшим образом связана с сопредельными территориями саксов, датчан, а также Франкского государства (позднее – Священной Римской империи). Отношения между народами носили весьма сложный характер. Периоды взаимных нападений и разорений чередовались с мирными и даже союзническими отношениями. В первой половине – середине IX в. натиск саксонских герцогов и восточно-франкских королей (из саксонской династии), в особенности Генриха I Птицелова и Оттона I Великого, привёл к политическому подчинению большинства балтийских славянских племён германцам. Эта зависимость была отягощена насильственной христианизацией язычников-славян. Непосредственными вдохновителями подобной политики были Магдебургское и Гамбургско-Бременское архиепископства, а также маркграфства Остмарк и Нордмарк. В Бранденбурге, Бабельберге и Ольденбурге были основаны епископаты [17, с. 341, 343].

В 983 г. в землях лютичей и ободритов вспыхнуло мощное языческое восстание. Оно затронуло большинство славянских земель к северу и востоку от Эльбы. Все епископства, церкви и даже следы христианства на данных территориях были уничтожены. Более того, славяне перешли в наступление, разорили область Нордальбингия и разрушили Гамбург, являвшийся одним из главных городов и христианских центров северной Саксонии [10, с. 98, 379]. Добавим к этому весьма примечательное сообщение Гельмольда о языческих обычаях ободритов: "Среди множества славянских божеств главным является Святовит, бог земли ранской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святовиту" (Гельмольд, I, 52) [3].

К процитированному сообщению из ПВЛ и сведениям о полабских славянах заставляет внимательно присмотреться сочетание сразу нескольких принципиальных моментов. Во-первых, единственное конкретное сообщение летописей о принесении человеческой жертвы языческим богам русским князем и его окружением приходится на тот же год, когда происходит мощное антихристианское восстание в землях балтийских славян.

Во-вторых, этим князем является Владимир, в приход к власти которого варяжские воины сыграли весьма важную роль. В-третьих, жертвой становится варяг-христианин, причём, в-четвёртых, выбор жертвы, судя по всему, полностью совпадает с ритуалом, приписываемым Гельмольдом ободритам (и не известным в описываемое время и в описываемом виде у скандинавов). В свете данных об истории полабских славян эпизод из ПВЛ приобретает новый смысл. Кстати говоря, более понятным становится и помещённый в ПВЛ под 986 (6494) г. довольно резкий отказ Владимира "немцам"–католикам рассматривать вариант о крещении Руси в духе западного христианства: "Рече же Володимиръ Немцемъ: "идете опять, яко отци наши сего не прияли суть"" [15, с. 83] (фраза, в целом, выпадающая из контекста предыдущего повествования в ПВЛ).

Обратим также внимание на хронологическую близость второго мощного языческого восстания балтийских славян (1066 г.) [10, с. 387–388] и восстаний на Руси в последней трети XI века. В данном случае, правда, аналогии не столь очевидны. Первое из зафиксированных в источниках восстаний на Руси в рассматриваемый период (1068 г.), приведшее на короткий срок к власти в Киеве полоцкого князя Всеслава Брючиславича, имело вполне очевидные местные причины (поражение Ярославичей от половцев в битве на Альте и отказ Ярославичей вооружить киевлян для противостояния новым врагам). Впрочем, даже в данном случае можно обратить внимание как на факт весьма активных действий Всеслава в Прибалтике в предшествующие годы, так и на явные языческие мотивы, связанные с ним и в ПВЛ, и в "Слове о полку Игореве", и, видимо, в былинах (под именем Вольха Всеславича). Последующие восстания на Руси, причём имеющие выраженный языческий характер, помещены в ПВЛ по 1071 годом. Однако обращает на себя внимание предполагающая известную временную неопределённость формулировка: "В си времена" [15, с. 170] (в той же статье находим сначала вполне конкретное хронологическое указание: "В лето 6579. Воеваша Половци у Растовьця и у Неятина. В се же лето выгна Всеславъ Святополка ис Полотыска. В се же лето победи Ярополкъ Всеслава у Голотичьска" [15, с. 169–170]). Под этой формулировкой значатся указания на движения и восстания с участием волхвов в Киеве, с Белоозере и Новгороде [15, с. 169–176].

Следует признать, что сами по себе указанные параллели отнюдь не дают окончательного ответа на вопрос об изначальной этнической природе варягов и могут рассматриваться лишь в контексте прочих, весьма противоречивых, имеющихся данных. Однако именно в этом контексте переключки событий, с одной стороны – в Прибалтике, а с другой – на страницах древнерусских летописей, в наибольшей степени укладывается именно в рамки гипотезы о ваграх-варягах. Действительно, два освящен-

ных традиционными языческими верованиями крупнейших восстания балтийских славян против иноэтничных и иноверных захватчиков и хронологически, и детально-фактологически (во всяком случае, в 983 г.) удивительным образом совпадают с летописными описаниями событий древнерусской истории. Отмеченные совпадения в любом случае требуют внимания и более расширенной трактовки языческих движений на Руси в конце X – начале последней трети XI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Василевский В.Г. Труды. Т. II. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1909. 295 с.
2. Геденов С. Варяги и Русь. Историческое исследование: в 2 ч. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1876. Ч. I. 395 с. Ч. II. 164 с.
3. Гельмольд. Славянская хроника. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 299 с.
4. Герберштейн С. Записки о Московии // <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/frameset1.htm>
5. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.); Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
6. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М.: Типография В. Готье, 1855. 322 с.
7. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 416 с.
8. Кузьмин А.Г. Начало Руси. М.: "Вече", 2003. 432 с.
9. Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Ломоносов М. Записки по русской истории. М.: ЭКСМО, 2003. 702 с.
10. Пауль А. Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.
11. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 317 с.
12. Петрухин В.Я. Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.
13. Пчелов Е.В. Юриковичи. История династии: 1000 лет одного рода. М.: Олма-Пресс, 2001. 480 с.
14. Saga о людях из Лаксдала // https://royallib.com/read/islandskie_sagi/saga_o_lyudyah_iz_laksdalya.html#614400
15. Русские летописи. Т. 12: Лаврентьевская летопись. Рязань: "АЛЕКСАНДРИЯ", 2001. 586 с.
16. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
17. Херрман Й. Ободриты, лютиты, руяне // Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 338–359.

© Д.С. Логинов, (dimok_star@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Рязанский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова